

Научная статья

УДК 930

doi: 10.47475/2542-0275-2024-9-1-96-102

АНТИКОВЕДЕНИЕ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ: ПРАКТИКИ ПРЕПОДАВАНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

Элина Руделевна Низамова¹, Артем Михайлович Скворцов²

¹Челябинский государственный университет, Челябинск, Россия, nizamova2001@bk.ru

²Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники Российской академии наук, Санкт-Петербург, Россия, artyom-skvorcov@yandex.ru, ORCID 0000-0002-3287-4154

Аннотация. Институты советской исторической науки в период Великой Отечественной войны испытали серьезное идеологическое давление и перестроили работу. Внимание акцентируется на кафедрах древней истории в высшей школе и стратегиях адаптации учебных программ и курсов. Исследование базируется на анализе выпусков «Исторического журнала» за 1941–1945 гг. Авторы приходят к выводу, что история древности в высших учебных заведениях, действуя в рамках общей модели гуманитарных наук, отвечала социальному заказу и воспроизводила нарративы, нацеленные на укрепление патриотизма в обществе. Большинство таких спецкурсов было посвящено истории славянской древности и их связям с Византией. В общих дисциплинах по античному периоду происходила актуализация тем в соответствии с целью разоблачения фашистских фальсификаций истории, обращалось внимание на образы патриотов в древности и на цивилизации, возникшие на территории СССР.

Ключевые слова: советская историческая наука, Великая Отечественная война, советская пропаганда, антиковедение

Финансирование. Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда, проект № 23-28-00240 «Мобилизация древней истории: институциональные трансформации и советский военно-исторический нарратив 1941–1945 гг.».

Для цитирования: Низамова Э. Р., Скворцов А. М. Антиковедение в годы Великой Отечественной войны: практики преподавания в высшей школе // *Magistra Vitae: электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2024. Т. 9, вып. 1. С. 96–102.* URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/37-magistravitae-1-2024.html>. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-1-96-102

Original article

ANCIENT STUDIES DURING THE GREAT PATRIOTIC WAR: TEACHING PRACTICES IN HIGHER EDUCATION

Elina R. Nizamova¹, Artyom M. Skvortsov²

¹Chelyabinsk State University, Chelyabinsk, Russia, nizamova2001@bk.ru

²S. I. Vavilov Institute for the History of Sciences and Technology, St Petersburg Branch, St. Petersburg, Russia, artyom-skvorcov@yandex.ru, ORCID 0000-0002-3287-4154

Abstract. The article examines the ideological pressure to which the institutions of Soviet historical science were subjected during the Great Patriotic War and the changes that took place in their work. Particular attention is paid to the situation in the departments of ancient history in higher education and strategies for adapting curricula and courses. The work analyzes the traces of these processes on the example of the issues of the “Historical Journal” for the period 1941–1945. As a result, the authors conclude that the history of antiquity in higher education institutions, within the framework of the general model of the humanities, met the requirements of the social order and created narratives aimed at strengthening patriotism through the study of stories and characters of their period. Most of the specialized courses are devoted to the history of Slavic antiquity and their connections with Byzantium. General disciplines on the history of the ancient period witness the actualization of topics aimed at exposing fascist falsifications of history, due to which it pays attention to the images of patriots in antiquity and to the civilizations that emerged on the territory of the USSR.

Keywords: Soviet historical science, the Great Patriotic War, Soviet propaganda, classical studies

Funding. The research was supported by the Russian Science Foundation, Project No. 23-28-00240 “Mobilisation of Ancient History: Institutional Transformations and Soviet Military Historical Narrative 1941–1945”.

For citation: Nizamova ER, Skvortsov AM. Ancient Studies During the Great Patriotic War: Teaching Practices in Higher Education. *Magistra Vitae: electronic journal of historical sciences and archaeology*. 2024;9(1):96-102. (In Russ.). URL: <https://www.magistravitaejournal.ru/ru/archive/37-magistra-vitae-1-2024.html>. DOI: 10.47475/2542-0275-2024-9-1-96-102

И. В. Побережников в одной из своих статей предложил довольно широкое понимание «мобилизации», подразумевая под этим термином объединение широких социальных кругов «государством, партиями, социальными движениями для достижения общественных целей, посредством совокупности согласованных ценностей, институтов, групп, организованных для достижения социетальных целей» [Побережников, 2009, с. 96]. К первостепенному мобилизационному механизму уральский историк отнёс фундаментальные цивилизационно-культурные структуры, в числе которых выделил: установки общественного сознания, мотивационные механизмы, модели взаимодействия властных структур и социума и т. д. В этом контексте и научное гуманитарное сообщество следует понимать как элемент масштабного слаженного единого механизма, запущенного для достижения общей цели. Область деятельности учёных не технического и не естественно-научного профиля сосредоточивалась на агитационно-пропагандистской работе, ориентированной на активацию и конструирование ментальных и культурных установок, призванных достичь Победы. Узкие исследовательские интересы учёных в этих условиях отошли на задний план или приспособились под возникшие идеологические нужды через, например, активное применение метода аналогии, а также беспощадную и разгромную критику фундаментальных тезисов идеологии враждебного лагеря.

Важное организующее значение для всех историков в годы Великой Отечественной войны имел «Исторический журнал». Его главный редактор Б. М. Волин, выступая на заседании Учёного совета Института истории 28 мая 1945 г. с отчётом о работе издания в военное время, отметил: «Прежде всего журнал не только пропагандист и агитатор, он коллективный организатор. Естественно, что прежде всего мы стремились заказать статьи такого характера, по таким темам, которые редакция считает наиболее важными, наиболее существенными, политически более

актуальными»¹. К таковым вопросам докладчик отнёс: этногенез, развитие аграрных отношений, историю международных отношений, становление государств, проблемы идеологии и историографии². В этом же выступлении Волин откровенно заявил, что в начальный период Великой Отечественной войны произошла «известная перестройка» журнала в связи с необходимостью быстро включиться в пропагандистскую работу, поэтому редакция отдавала предпочтение небольшим статьям научно-популярного характера; после же Сталинградской битвы ситуация начала меняться, и научная составляющая статей стала выходить на первый план при их рецензировании: «То, что было правильно раньше, оказалось неправильным и даже вредным сегодня»³. Стиль представленных в «Историческом журнале» 1941–1943 гг. работ следует охарактеризовать, скорее, как публицистический: в них нарратив направлен на раскрытие определённого заранее заданного неоспоримого тезиса, под который, конечно, подбираются аргументы, эти аргументы имеют эмоциональный накал, и у читателя в целом не складывается ощущения полемики характера заявленного вопроса [Карпюк, Крих, Петрова, Репина, 2023, с. 40–50]. На представленные в журнале в новом свете тезисы и объяснения узловых исторических проблем ориентировались и преподаватели истории, особенно в провинциальных вузах и, надо полагать, вносили соответствующие корректировки в содержание читаемых курсов.

В специальном разделе «Исторического журнала» под названием «Хроника» содержались конкретные примеры по изменению структуры учебных программ и учебных курсов исторических факультетов. Через эти короткие информационные сообщения чётко и недвусмысленно транслировались политически актуальные сведения для учёных и педагогов Советского Союза: тираж

¹ Стенограмма заседания Учёного совета от 28 мая 1945 г. // АРАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 106. Л. 2 об.

² Там же. Л. 3.

³ Там же. Л. 3 об.–4.

журнала был довольно высок для того времени, варьировался в пределах 15–33 тыс. экземпляров. А. Б. Ранович в своём выступлении «Хронику» назвал «органом контроля, критики и самокритики», с помощью которого ощущаются темпы роста и недостатки¹. Посредством анализа содержания данной рубрики нами выявлены характерные смысловые структуры, шаблоны, повторяющиеся сюжетные конструкции, реализуемые в рамках установленных правительством указаний, связанных с выполнением учебных планов, их изменениями и общественной работой.

Конечно, темы по древней истории не являлись приоритетными в публикациях «Исторического журнала» периода Великой Отечественной войны. В 1939–1940 гг. в каждом номере указанного издания публиковалось в среднем по 1–2 статьи, и в итоге вышло их за два года 27. В 1941–1945 гг. всего по древней истории опубликовано 14 статей и критических очерков в основном под авторством А. В. Мишулина. Однако важно подчеркнуть, что публикации по древней истории есть. И их наличие вполне объяснимо. Нацистские и фашистские историки Германии и Италии использовали материал далёких веков для идеологического обоснования агрессивной войны. Это обстоятельство подметил ещё за два года до нападения гитлеровских войск на СССР Б. Л. Богаевский в связи с исследованием эгейской культуры II тыс. до н. э.: «На первый взгляд может показаться странным такой чрезвычайный интерес [историков гитлеровской Германии. — Э. Н., А. С.] к культуре, расцвет которой в различных областях восточного Средиземноморья относится ко II тысячелетию до н. э. Однако интерес фашистов к этим далеко расположенным от Германии областям и к отдалённейшим тысячелетиям становится понятным, если учесть, что историческая “наука” у фашистов является политически окрашенной демагогией, идеологическим орудием разнузданной агрессии и захватнических планов Гитлера в “восточном направлении”»².

Тренды в науке о древней истории и в годы войны задавала соответствующая кафедра МГУ, которая определила приоритетными такие сюжеты, как «критика фашистской концепции исто-

рического процесса античности, критика расовой теории, изучение войн, военного искусства и внешней политики, борьба поработённых Римом народов против поработителей, роль славян в падении Римской империи и история первых славянских государственных образований»³. Кроме того, особое место занимала и скифская тематика, в частности, тактика военных действий этих кочевых племён, завязанная якобы на партизанских методах борьбы. Аналогичные сюжеты прослеживаются в учебных программах провинциальных университетов. Так, в Челябинском педагогическом институте в курсе древней истории рекомендовалось «уделить внимание истории тех цивилизаций, которые возникли на территории СССР и сыграли всемирно-историческую роль», «обратить особое внимание студентов на биографии Плутарха, давшего классические образы патриотов»⁴. Встречается указанная проблема в хрониках выпусков журнала конца 1941, весь 1942 г. и частично в 1943 г. В отчётности Куйбышевского, Свердловского, Тамбовского, Московского, Кабардино-Балкарского, Вологодского, Горьковского педагогических институтов и исторического факультета института Коми АССР сообщается об «уделении значительного места»⁵ вышеуказанным темам. Обнаруживается таким образом следующая важная тенденция: сюжеты классовой борьбы и социально-экономических характеристик общества отходят на задний план, уступая место описанию внешнеполитического контекста развития античных обществ и конкретным личностям, которые являют собой примеры патриотизма (в этом контексте рекомендовалось сосредоточить внимание на «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарха). Весьма показательны строчки из письма от 20.02.1945 г. С. В. Бахрушина И. И. Смирнову: «В годы войны несколько ослабло внимание к некоторым категориям господствовавшей марксистско-ленинской методологии, например, к классовым подходам, с помощью которых объясняли исторический процесс. Выяснилась (не в последнюю очередь в связи со сближением в ходе войны с западными демо-

¹ Стенограмма заседания Учёного совета от 28 мая 1945 г. Л. 11.

² Богаевский Б. Л. Эгейская культура и фашистские фальсификаторы истории // Против фашистской фальсификации истории / под ред. Ф. И. Нотоича. М.; Л., 1939. С. 35.

³ Шепунова Т. Актуальные проблемы научной работы кафедры древней истории исторического факультета Московского государственного университета // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 149.

⁴ Рабочий план преподавания истории древнего мира (1943–1944 уч. г.) // ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 59. Л. 10 об.

⁵ Шепунова Т. Указ. соч. С. 151.

кратиями) необходимость широкого обращения к общечеловеческим ценностям»¹.

Следует также заметить, что условия эвакуации зачастую не позволяли продолжать избранные до войны темы. Недоступность источников и литературы, необходимость широкой пропагандистской работы стали факторами смены исследовательских проблем. Например, С. А. Семенов-Зусер, занимавшийся до войны вопросами истории древнегреческих колоний в Крыму, в эвакуации в Казахстане выступал с докладами по истории Казахской республики и на январской сессии по итогам научной работы Кызыл-Ординского педагогического института за 1943 г. представил доклад «Князь Святослав»², по теме которого впоследствии была издана крупная работа. Здесь же можно вспомнить и антиковеда Р. Ю. Виппера, который во время войны выступал с докладами по истории народов Средней Азии, а также выпустил монографию «Иван Грозный»³. Впрочем, подобные работы следует относить к разряду публицистических. По словам О. В. Метель, места для эвакуированных историков определились не сразу, руководству института приходилось добиваться от республиканских правительств статуса эвакуированного института в том числе через обещание подготовить силами учёных обобщающий труд по местной истории [Метель, 2021, с. 139–140].

Одна из первых организационно-методических задач исторических факультетов в начале войны — адаптация учебных программ к трёхгодичному сроку обучения, что привело к значительному падению уровня подготовки учителей. Свидетельство этому обнаруживается в отчёте за 1941–1942 учебный год отдела педагогических вузов и университетов ВКВШ: «Итоги годовой работы по сокращённым трёхгодичным учебным планам показали, что подготовка преподавателей для 8, 9, 10 классов средней школы не может быть полностью обеспечена: лица, оканчивающие педагогические институты с трёхлетним сроком обучения, не были достаточно подготовлены по своей

специальности»⁴. Судя по «Хронике» «Исторического журнала», сокращение общих курсов происходило за счёт исключения «неактуальных тем» (по такому пути пошёл Свердловский педагогический институт) и прекращения преподавания вспомогательных дисциплин (эта практика реализовывалась в МГПУ). Другими словами, из планов вычёркивались несоответствующие нуждам военного времени предметы. Сокращение объёма основных дисциплин по советской и зарубежной истории ориентировало лекторов на выборку определённых (политически актуальных) сюжетов. Сильно пострадал комплекс дисциплин специализации и практикумы по работе с источниками, их критическому анализу. Это в свою очередь приводило к догматическому восприятию исторического процесса студентами. Материалы «Хроник» позволяют не согласиться с современным историком А. В. Сперанским, что «свёртывание обучения в меньшей степени касалось учебных часов» и произошло за счёт сокращения студенческих каникул, производственной практики и дипломного проектирования [Сперанский, 2015, с. 36]. Содержательный аспект процесса обучения не остался без изменений. В своём дневнике антиковед Е. А. Миллиор сообщает, что после войны перед началом 1945–1946 учебного года советское правительство резко обеспокоилось о качестве выпускаемых университетом специалистов и разрешило отчислять неуспевающих⁵, на что, надо полагать, исходя из контекста, в военный период был наложен фактический запрет.

Особую роль в мобилизации знания о древности сыграли спецкурсы и спецсеминары, разрабатываемые преподавателями под нужды военного времени. Спецкурсы не были унифицированы: в «Хрониках» прослеживается их относительное тематическое разнообразие. Но большинство таких курсов было ориентировано на освещение истории славянской древности, либо связей славянских народов с Византией. А. В. Мишулин уже в 1941–1942 гг. проводил спецсеминар «Восточно-Римская империя и древние славяне», тематическое содержание которого было следующим: «1. Восточная Римская империя при Юстиниане; 2) Внешняя политика Юстиниана; 3) Древние славяне и их происхождение; 4) Социальный и военный строй древних славян; 5) Древние сла-

¹ Цит. по: Бурдей Г. Д., Наумов С. Ю. Историческая литература в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Вып. 3. Историческая книга: системный анализ. Саратов, 1995. С. 50.

² Иллерицкий В. Е. Работа исторического факультета Кызыл-ординского педагогического института // Исторический журнал. 1944. № 10–11. С. 141.

³ Советские историки в дни отечественной войны // Исторический журнал. 1942. № 3–4. С. 150.

⁴ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 126. Д. 10. Л. 9–11.

⁵ Миллиор Е. А. Записные книжки и дневники. Дневники. Т. 1. 1927–1935 гг. // ЦГАЛИ Ф. 439. Оп. 1 Д. 49. Л. 133 об.

вяне и авары, их взаимоотношения; 6) Вторжения славян в Восточно-Римскую империю; 7) Положение империи в связи с вторжением славян и аваров; 8) Восстание Фоки и судьбы Маврикии; 9) Положение крестьян по «*Nomos georgicos*»; 10) Хозяйственный строй Империи по «*Nomos georgicos*»). Мишулин также читал факультативный курс «Древние славяне и их первые государственные образования». Основная цель, которую преследовал автор, состояла в опровержении фашистской теории об отсутствии у славян начал государственности и доказательстве тезиса о раннем государственном развитии славян¹.

В провинциальных университетах, особенно республиканских, появляются спецкурсы, посвящённые местной древней истории (например, в Кызыл-Ординском и Пятигорском институтах), чему способствовало появление в регионах столичных профессоров. Так, преподаватели кафедры древней истории МГУ в эвакуации в Ашхабаде, «увязали свою научно-исследовательскую работу с работой по истории Туркмении»², развернув там археологические и этнографические экспедиции по сбору данных по истории республики. Но всё же практика чтения спецкурсов вследствие сокращения сроков обучения не была распространена. Так, в архивных документах Челябинского педагогического института, который, впрочем, не упоминается в «Хрониках», в контексте реорганизации программы обучения можно заметить общие указания по актуализации определённых тем, но специальных курсов введено не было³. Медиевист М. А. Заборов, который в это время работал в Челябинске, в своих воспоминаниях отмечал низкий культурный и образовательный уровень студенчества военных лет, недостаток литературы по общим курсам, относительно слабый состав кафедры истории, «почти сплошь состоящей из молодых преподавателей»⁴. Такая ситуация в вузах была довольно распространённой. Несмотря на все трудности, учебные курсы в ЧПИ также модифицируются: в рамках древней истории появляется новая тема о при-

черноморских колониях, в истории средних веков увеличиваются аудиторные часы на изучение древних германцев, добавляется блок по истории южных и западных славян, отдельно рассматривается история Чехии⁵.

В общих курсах по истории античности актуализируются историографические сюжеты, призванные разоблачить фашистские фальсификации истории. В частности, одним из таких важных сюжетов стал спор в науке о падении Западной Римской империи. В этом контексте критиковалась теория упадка империи якобы вследствие гибели «лучшей части» римского общества, то есть аристократии, в эпоху Гражданской войны III в. и завоевательной политики Рима. При этом проводилась историческая параллель между средневековыми гуннами и фашистами как разрушителями цивилизации. Актуальными становятся и поиски корней милитаризма германского народа⁶. Изменения в содержании читаемых курсов, кажется, можно легко объяснить директивами, спущенными «сверху». Однако, думается, такое объяснение упрощает ситуацию, представляя учёных лишь исполнителями «государственного заказа». Общий фон жизни и без специальных идеологических программ оказывает непосредственное воздействие на характер научного творчества и содержание преподавания. Приведём выдержку из письма от 27 апреля 1943 г. антиковедки К. М. Колобовой, находившейся в Куйбышеве, своей близкой подруге Е. А. Миллиор: «Никогда ещё, несмотря на физическое ослабление, накал мысли не был так ярким, и, если бы была возможность, я бы писала дни и ночи, так многое хочется сказать и современникам, и потомкам. Античность для меня стала формой, но содержание её — это мысль современника, мысль убеждённого советского человека»⁷. В этих словах нетрудно увидеть определённый психологический подъём и желание переосмыслить ряд ранее выдвигавшихся идей. Автор письма убеждена, что древних греков и римлян она стала лучше понимать благодаря изменившимся условиям: по её мнению, люди разных исторических периодов, помещённые в сходные условия, имеют однородные мысли и чувства. Сходные эмоциональные переживания исторического момента настолько при-

¹ Шепунова Т. М. Актуальные проблемы научной работы кафедры древней истории исторического факультета Московского государственного университета // Исторический журнал. 1941. № 12. С. 149.

² Сказкин С. Д. Работа исторического факультета Московского государственного университета в Ашхабаде // Исторический журнал. 1943. № 2. С. 106.

³ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 50. Л. 2–3.

⁴ История и историки: нам 70 лет! Исторический факультет ЧГПУ: прошлое, настоящее, будущее. Челябинск, 2006. С. 29.

⁵ ОГАЧО. Ф. Р-1606. Оп. 1. Д. 59. Л. 6.

⁶ Михалев Г. Работа исторического факультета Тамбовского педагогического института в дни отечественной войны // Исторический журнал. 1942. № 6. С. 151.

⁷ РО ИРЛ. Ф. 607. Оп. 1. Д. 439. Л. 8 об.

ближали человека далёкой эпохи, что рождало представление о полном понимании его поступков, мыслей и в целом — мировоззрения. Этому способствовала и преобладающая в античных текстах военная тематика.

Сокращение продолжительности обучения было временным вынужденным явлением в высшей школе. Как только инициатива в военных действиях перешла к Советскому Союзу, и вражеские войска были оттеснены к границе, для гуманитарных специальностей (в 1944 г.) установлены четырёхлетние программы. В «Хрониках» появляются сведения об учебных практиках студентов: археологических экспедициях в Казахстане, Туркменистане, Рязанской области и в Сибири¹. Весьма примечательно, что с 1943 г. в «Историческом журнале» публикуются сюжеты о различных аспектах научной жизни, что свидетельствует о её постепенном возобновлении и завершении процесса приспособления общества историков к военным условиям. Так, освещаются защиты диссертаций Н. Н. Пикусом («Тebtюнииский папирус № 703 как исторический источник»), Н. А. Машкиным («Принципат Августа»), С. В. Шостаковичем («Война в древнем мире»)². Исторические факультеты Советского Союза сообщают о проведённых научных заседаниях. Хотя на первом месте и стоят темы о нацистских фальсификациях древней истории, но всё же появляются и традиционные научные сюжеты: «О пребывании в Средней Азии Александра Македонского» (К. К. Зельин)², «Античность и западноевропейская культура» (С. И. Ковалев)³, «Письмо в Древнем Египте» (М. А. Коро-

стовцев)⁴. Появляются новые спецкурсы, не связанные с политической историей, как например, в Кызыл-Ординском институте «Основы археологии», «История древнего Казахстана»⁵, в Пятигорском педагогическом «Историческая география и история Северного Кавказа», «Основы советской археологии в связи с археологией Северного Кавказа»⁶, организованные эвакуированными преподавателями на площадках периферийных институтов.

Изучив хроники «Исторического журнала» за военный период, можно сделать несколько выводов. Во-первых, тематическая наполненность «Хроник» меняется на протяжении анализируемого промежутка времени. Условно можно выделить два периода: 1) 1941 — первая половина 1943 г.; 2) вторая половина 1943 — 1945 г. В первый период исторические факультеты сообщали преимущественно о сложностях в осуществлении учебной деятельности, перестройке программ и курсов, агитационно-пропагандистской или общественно-полезной работе учёных; во второй — риторика меняется: появляются сюжеты о научной деятельности историков, что свидетельствует о начале нормализации научной жизни.

Во-вторых, мобилизация знания о древности происходила по социальному заказу, направленному на укрепление патриотизма в обществе, сплочение народов СССР в борьбе против германской агрессии и разоблачение теорий фашистских историков. В этом контексте актуальными становились темы по ранней истории славян, истории отдельных личностей античности героического характера. Отходили на второй план вопросы классовой борьбы в истории и излишнее теоретизирование: история приобретала характер повествования или рассказа. Популярными становятся и сюжеты, связанные с древней историей республик на территории СССР.

⁴ Иванов Л. М. Институт истории АН СССР в 1943 году // Исторический журнал. 1944. № 2–3. С. 102.

⁵ Иллерицкий В. Е. Работа исторического факультета Кызыл-Ординского педагогического института // Исторический журнал. 1944. № 10–11. С. 141.

⁶ Акритас П. Работа кафедры истории СССР в Пятигорском государственном педагогическом институте // Исторический журнал. 1944. № 5–6. С. 94.

¹ Милонов Н. П. Исследование памятников материальной культуры кафедрой истории Рязанского государственного педагогического института // Исторический журнал. 1943. № 10. С. 104; Гриневич К. Э. Работа кафедры истории Томского государственного университета имени В. В. Куйбышева // Вопросы истории. 1946. № 2–3. С. 156.

² Сказкин С. Д. Работа исторического факультета Московского государственного университета в Ашхабаде. С. 107.

³ Бенклиев С. Историко-филологический факультет Воронежского государственного университета в дни войны // Исторический журнал. 1943. № 3–4. С. 105.

Список литературы

1. Бурдей Г. Д. Историческая литература в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. Вып. 3. Историческая книга: системный анализ / под ред. Г. Д. Бурдей, С. Ю. Наумов. Саратов : Образование, 1995. 107 с.

2. История и историки : нам 70 лет! Исторический факультет ЧГПУ: прошлое, настоящее, будущее / сост. Н. А. Вахрушева, Л. Г. Майзель, Л. К. Матюхина [и др.] Челябинск : Изд-во Челябинского государственного педагогического университета, 2006. 275 с.
3. Карпюк С. Г., Крих С. Б., Петрова М. С., Репина Л. П. Советская историография всеобщей истории как научное творчество. М. : Аквилон, 2023. 224 с.
4. Метель О. В. Академическая наука в эвакуации: Институт истории АН СССР в 1941–1945 гг. // Вестник Томского государственного университета. 2021. № 472. С. 139–146.
5. Побережников И. В. Мобилизационные механизмы в контексте модернизации (теоретические аспекты) // Мобилизационная модель экономики: исторический опыт России XX в. : сборник материалов всероссийской научной конференции / под ред. Г. А. Гончарова, С. А. Баканова. Челябинск : Энциклопедия, 2009. С. 95–100.
6. Сперанский А. В. Высшая школа СССР в 1941–1945 гг.: экзамены войны // Вестник ЮУрГУ. Серия «Социально-гуманитарные науки». 2015. Т. 15, № 3. С. 33–38.

References

1. Burdej GD. *Istoricheskaja literatura v gody Velikoj Otechestvennoj vojny Dokumenty i materialy. Vyp. 3. Istoricheskaja kniga: sistemyj analiz = Historical literature in the years of the Great Patriotic War. Documents and materials. Vol. 3. Historical book: system analysis.* Saratov; 1995. 107 p. (In Russ.).
2. Vahrusheva NA., Majzel' LG., Matjuhina LK. *Istorija i istoriki: nam 70 let! Istoricheskij fakul'tet ChGPU: proshloe, nastojashhee, budushhee = History and historians: we are 70 years old! Faculty of History of ChSPU: past, present, future.* Chelyabinsk; 2006. 275 p. (In Russ.).
3. Karpjuk SG, Krikh SB, Petrova MS, Repina LP. *Sovetskaja istoriografija vseobshhej istorii kak nauchnoe tvorcestvo = Soviet historiography of general history as a scientific creation Soviet historians in the days of the national war.* Moscow; 2023. 224 p. (In Russ.).
4. Metel' OV. Academic science in evacuation: Institute of History of the USSR Academy of Sciences in 1941–1943. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal.* 2021;(472): 139-146. (In Russ.).
5. Poberezhnikov IV. Mobilization mechanisms in the context of modernization (theoretical aspects). In: Goncharov G. A. (ed.) *Mobilizacionnaja model' jekonomiki: istoricheskij opyt Rossii = Mobilization model of the economy: historical experience of Russia.* Chelyabinsk; 2009. Pp. 95–100. (In Russ.).
6. Speranskij AV. Higher School of the USSR in 1941–1945: Examinations of War. *Vestnik JuUrGU. Serija "Social'no-gumanitarnye nauki" = Bulletin of the South Ural State University. Series "Social Sciences and the Humanities"*. 2015;15(3):33-38. (In Russ.).

Информация об авторах

Э. Р. Низамова — преподаватель.

А. М. Скворцов — кандидат исторической науки, доцент, научный сотрудник.

Information about the authors.

E. R. Nizamova — Tutor.

A. M. Skvortsov — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Researcher.

Вклад авторов: оба автора сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article.
The authors declare no conflicts of interests.